

Документы Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года.

Доклад митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима
об отмене клятв на старые обряды

Более трехсот лет минуло с тех пор, как в Русской Православной Церкви возник раскол старообрядчества, а последствия этого печального явления церковной жизни продолжают сказываться и до настоящего времени. Много усилий с обеих сторон — новообрядческой и старообрядческой — было потрачено в прошлом на то, чтобы доказать неправоту другой стороны.

Трезво мыслящие церковные люди обеих сторон понимали всю пагубность и никчемность взаимных раздоров и глубоко скорбели о разделении русских православных христиан. Предпринимались попытки на определенных условиях достичь соединения. Наибольший успех выпал на долю так называемого единоверия, хотя оно окончательно и полностью не решило проблемы раскола. Другие предложения и действия, предпринятые для разрешения этой проблемы, также не дали положительных результатов. Главным препятствием на пути к взаимному сближению Русской Православной Церкви и старообрядцев служат клятвы Большого Московского Собора 1667 года. Возможна ли отмена этих клятв вообще? Если да, кто правомочен окончательно решить этот вопрос, чтобы он был приемлем и для старообрядцев? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на истории возникновения клятв, выяснить причины их и понять их истинное содержание, а также отметить, в каком направлении решался вопрос о клятвах Высшей Церковной властью раньше, и на основании всего этого сделать соответствующий вывод.

Непосредственным поводом к возникновению в Русской Православной Церкви старообрядческого движения, а затем раскола послужили, как известно, реформы Патриарха Никона (1652—1658) по исправлению богослужебных книг и церковных обрядов, предпринятые им в целях достижения единообразия между русской и греческой церковно-богослужебной практикой.

Патриарх Никон, изменяя русские богослужебные чины и церковные обряды по современным ему греческим образцам, исходил из ошибочного взгляда, что «существующие у нас с греками разности (в чинах и обрядах. — Прим. митр. Никодима) растлевают нашу веру», почему устранение этих разностей считал делом таким же необходимым, как и «очищение Православия от ересей и погрешений». Отсюда крутая и поспешная ломка русской церковной обрядности, к которой Патриарх Никон приступил вскоре после вступления на Патриаршую кафедру.

В 1652 году, перед наступлением Великого поста, Патриарх Никон распорядился по московским церквам «Память», то есть распоряжение, которым предписывалось при чтении молитвы св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко животу моему» класть 4 великих и 12 поясных поклонов, а также совершать крестное знамение тремя первыми перстами.

Этим единоличным и совершенно не мотивированным распоряжением Патриарха Никона отменялся прежний обычай класть при чтении молитвы св. Ефрема Сирина 16 великих поклонов и совершать крестное знамение двумя перстами. За последним обычаем, двуперстием, стоял авторитет Стоглавого Собора (1551), который вменил в обязанность всем русским православным христианам полагать на себе крестное знамение только двумя перстами. Естественно, что против такого распоряжения Никона восстали некоторые влиятельные лица из духовенства: епископ Коломенский Павел, протопопы Иоанн Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и некоторые другие.

Подобная реакция на первые распоряжения Патриарха Никона была вполне закономерной, потому что Патриарх Никон, при всем величии своего положения и Патриаршей власти, не имел права единолично отменять постановление Стоглавого

Собора относительно двуперстия.

Встретив со стороны духовенства протест своим первым распоряжениям, Патриарх Никон в дальнейшем в проведении реформ опирался на постановления Поместных Русских Соборов, которые созывались им в 1654, 1655 и 1656 годах.

Клятвы Антиохийского Патриарха Макария и Собора 1656 года

За разъяснением вопросов обрядового характера и поддержкой своих реформ Патриарх Никон обращался к приезжавшим в Москву Патриарху Антиохийскому Макарию, митрополиту Сербскому Гавриилу и другим иерархам, которые за богослужениями заявляли русским, что православному христианину следует изображать на себе крестное знамение тремя первыми перстами, а кто изображает двумя перстами, тот подражает еретикам и проклинается.

Дальнейшие события с возложением клятв развивались следующим образом. «В начале апреля 1656 года прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон от молдавского воеводы Стефана с просьбой о принятии Молдавской земли под русскую державу, и в Москве, вместо трех, было уже четыре восточных святителя. Никон решился обратиться ко всем им разом с письменным посланием от лица своего и других русских архиереев и, указывая на то, что в Москве «неции воздвизают прю» относительно сложения перстов для крестного знамения, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другие двумя, умолял этих святителей возвестить, где истина и как следует креститься».

На это послание Патриарха Никона Патриарх Антиохийский Макарий дал письменный ответ следующего содержания:

«Предание прияхом с начала веры от святых апостолов и святых отец и святых семи Соборов, творити знамение честнаго креста с тремя первыми перстами десныя руки, и кто от христиан православных не творит крест тако, по преданию Восточныя Церкви, еже держа с начала веры даже до днесь есть еретик.. И сего ради имамы его отлучена от Отца и Сына и Святаго Духа и проклята: извещение истины подписах своею рукою».

«Вслед за Антиохийским Патриархом то же самое проклятие повторил и подписал своей рукой Сербский Патриарх Гавриил, а за ними каждый особо и подписали митрополиты Никейский Григорий и Молдавский Гедеон».

23 апреля 1656 года в Москве состоялся Собор, который по вопросу о двуперстии постановил:

«Аще кто отседе ведый, неповинится творити крестное изображение на лице своем... яко же zde прежде православнии содержаша, до напечатания Слова Феодоритова в псалтырях со воследованием московския печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образ Святыя и Единосущныя и нераздельныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сие неприятное Церкви, еже соединяя два малыя персты с великим пальцем, в них же неравенство Святыя Троицы извещается, и два великосредняя, простерта суща, в них же заключает два Сына и два состава, по Несториеве ереси, или инако изображати крест: сего имамы последующе святых отец семи Вселенских Соборов и прочих Поместным правилом и Святыя Восточныя Церкви четверем вселенским Патриархом, всячески отлучена от Церкви, вкупе с писанием Феодоритовым, яко и на пятом (Соборе) прокляша его ложная списания на Кирилла, архиепископа Александрийскаго, и на правую веру, сущая по Несториеве ереси, проклинаем и мы».

Таков ход событий, и таково дословное содержание клятв Патриарха Антиохийского Макария и Московского Собора 1656 года. Смысл этих клятв, кажется, довольно ясен. Вчитываясь внимательно в текст клятвенных изречений и запретов Патриарха Макария и определения Собора 1656 года, невольно приходишь к выводу, что клятвы положены на всех крестящихся двуперстно.

Не ясно ли отсюда, что всем православным христианам предписывалось совершать крестное знамение только тремя первыми перстами, а кто творит крестное знамение двумя перстами или «инако», тот «есть еретик» и как таковой подпадает под клятву и отлучается от Церкви?

Надо полагать, что анафема и проклятие на всех крестящихся двуперстно были положены не случайно и не потому, что сама по себе эта форма перстосложения была «неприятна». В этой форме перстосложения увидели не что иное как «ересь». Так, Патриарх Никон в своей речи на Соборе 1656 года заявил, что сложением перстов при двуперстном крестном знамении «неправо исповедуется таинство Пресвятыя Троицы... и таинство Воплощения». Поэтому Собор 1656 года и запретил под клятвой употреблять старый обряд двуперстия и предписал всем православным русским христианам употреблять для крестного знамения только троеперстие.

Признавая за Собором 1656 года право замены одного обряда другим, справедливости ради мы все же должны признать приведенные Собором основания для замены двуперстия на троеперстие более чем сомнительными, а, следовательно, и клятву, положенную на двуперстников, как «еретиков», совершенно неосновательной. Безпристрастный голос русской церковной истории к тому же свидетельствует, что двуперстное крестное знамение у православных русских людей, включая единоверцев и старообрядцев, всегда было, есть, и несомненно, будет церковным обрядом, выражающим православное учение веры.

Смешивая обряд с догматом, Патриарх Никон, как было сказано выше, смотрел на разности в обрядах как на различие в вере. При таком воззрении наличие и употребление двух форм одного и того же обряда исключается: одна из форм — в данном случае троеперстие признается православной, а другая — в данном случае двуперстие — ложной, еретической. Если Патриарх Никон пришел к твердому убеждению в православном характере современных ему греческих обрядовых форм, в том числе троеперстия, что на самом деле так и есть, а русские обрядовые формы, в том числе двуперстие признал неправильными и даже еретическими, чего на самом деле нет, то противники его реформ, придерживаясь, по существу, одинаковых с Патриархом Никоном воззрений на обряд, как на догмат, были убеждены в обратном. Когда двуперстие, принятое русскими от греков вместе с православной верой, было объявлено за еретический обряд, то ревнители русской церковной обрядности, в порядке ее охранения, естественно, должны были увидеть то же самое и в троеперстии.

По поводу церковных реформ Патриарха Никона начались споры и разделения: одни, послушные голосу церковной власти, приняли их, другие решительно отвергли, несправедливо полагая, что в результате этих реформ искажается чистое русское Православие. Ко времени Большого Московского Собора 1667 года русское церковное общество из-за реформ Патриарха Никона окончательно разделилось на два враждующих лагеря. Констатируя появление в Русской Православной Церкви старообрядческого раскола, Большой Московский Собор 1667 года *de jure* закрепил лишь то, что *de facto* уже совершилось к тому времени.

Клятвенные запреты Большого Московского Собора 1667 года

В связи с делом Патриарха Никона в Москве, в 1666—1667 годах был созван так называемый Большой Собор с участием приглашенных русским правительством Патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария. Кроме названных Патриархов, на Соборе присутствовали еще десять иерархов от Константинопольской, Иеросалимской, Грузинской и Сербской Церквей. На Соборе, в частности, был рассмотрен и старообрядческий вопрос. Собор одобрил церковные реформы Патриарха Никона, а всех, не принявших этих реформ, предал анафеме, как еретиков и непокорных.

Чтобы правильно понять смысл и значение этих клятвенных запретов, необходимо обратиться к деяниям Московского Собора русских архипастырей, который состоялся в Москве в первой половине 1666 года и на котором происходили прения с руководителями старообрядчества. В изданном от лица Собора «Наставлении» предписывалось совершать церковные службы по новоисправленным при Патриархе Никоне богослужебным книгам, в которых, как изъяснили отцы Собора, нет ничего противного православно́й вере, и изображать крестное знамение тремя первыми перстами. Но Собор 1666 года не изрек общей анафемы и проклятия на всех старообрядцев за содержание ими старых книг и обрядов, как это сделал Собор 1667 года. В этом отношении Собор 1666 года проявил более такта, осторожности и трезвого подхода в решении старообрядческого вопроса. Собор предписал принять новые книги и обряды, как правильные и соответствующие потребности времени, но если бы Собор 1666 года счел возможным предоставить желающим право содержать старые книги и обряды, находясь в общении с Церковью, что было даровано позднее, с учреждением единоверия, то в деле умиротворения церковного, к чему стремился Собор, несомненно, были бы достигнуты лучшие результаты.

Большой Московский Собор 1667 года занял по отношению к старообрядчеству совершенно иную позицию, чем собор русских иерархов 1666 года, и вынес свой окончательный приговор в отношении старообрядчества в духе клятвенных изречений Патриарха Антиохийского Макария, возглавлявшего вместе с Патриархом Александрийским Паисием заседания Собора 1667 года, и клятвенных запретов Московского Собора 1656 года, хотя и с учетом сложившейся позже церковной обстановки. Собор принял это решение еще и потому, что на старообрядцев продолжали смотреть, как на еретиков. Подтверждение этому находим в книге «Деяний» Собора 1667 года, где в отношении двуперстного крестного знамения говорится буквально следующее: «Всем убо явлено есть, яко исповедаше во Святей Троице неравенство, яко ариане, и несториане, и духоборцы, и аполлинариане и прочие проклятии еретицы».

На это «толкование» обряда двуперстия, употреблявшегося когда-то у греков и русских и поныне остающегося у старообрядцев православным обрядом, резонно можно заметить, говоря словами приведенного текста, что не «всем убо явлено есть», где, когда и кто из старообрядцев соединял с двуперстием столько «ересей». Им приписывали это, их обвиняли в этом, но они никогда не могли исповедовать этого.

Профессор Н. Ф. Каптерев во втором томе своей монографии «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (Сергиев Посад, 1912) устанавливает дословное сходство некоторых постановлений Собора 1667 года с полемическим сочинением против старообрядцев архимандрита Московского Никольского греческого монастыря Дионисия, который тенденциозно представил Патриархам Паисию и Макарию вопрос о русском старообрядчестве. Отсюда становится ясным, почему Собор 1667 года вынес такой строгий суд в отношении старообрядцев. Патриархи Паисий и Макарий, «призванные на Соборе 1667 года произвести свой компетентный и окончательный приговор о русском старообрядчестве. В основу своих суждений о нем положили те именно воззрения на старый русский обряд, какие высказал в своем сочинении грек архимандрит Дионисий».

Итак, Большой Московский Собор 1667 года предал старообрядцев проклятию и анафеме, исходя из неправильных воззрений на старые русские церковные обряды как еретические, которых придерживался, но только в отношении двуперстия, Московский Собор 1656 года, учитывая характер антицерковной деятельности вождей старообрядчества, подтверждением чего является утверждение Собором 1667 года постановлений Собора 1666 года. В первом случае возложенную Собором 1667 года клятву и анафему на старообрядцев, которых из-за их приверженности к старым церковным обрядам сочли за еретиков, надо признать, как и клятву Московского Собора 1656 года, неосновательной.

Во втором случае клятву и анафему Собора 1667 года можно считать справедливой и законной, но в отношении лиц, действительно виновных перед Церковью в том, в чем обвинялись они на Соборе 1666 года, то есть во враждебных против нее действиях. Если бы Собор 1667 года в своем суждении о старообрядчестве исходил из правильных представлений, ему достаточно было утвердить или вновь повторить определение Собора 1666 года. Но, к сожалению, Собор 1667 года исходил из неправильных воззрений на старые церковные обряды как еретические. И возложенная Собором анафема стала роковой: окончательное разделение Русской Православной Церкви совершилось.

История вопроса об отмене клятв Патриарха Антиохийского Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 годов

Впервые вопрос об отмене означенных клятв был поднят старообрядцами в 1783 году, когда известный деятель единоверия стародубский инок Никодим в поданном им от имени старообрядцев прошении, состоявшем из 12 пунктов, выразил желание соединиться с Православной Греко-Российской Церковью на определенных условиях.

В 1800 году московские старообрядцы, пожелавшие воссоединиться с Православной Греко-Российской Церковью, в поданном ими митрополиту Московскому Платону прошении (в 16 пунктах) писали: «Дабы Святейший Синод разрешил прежде положенные клятвы на двоеперстное сложение и другие, подобные сему, обряды».

Как видим, митрополит Платон высказался за отмену клятв, но не вообще, как об этом просили старообрядцы, а только с тех старообрядцев, которые «соединяются с Церковью, и истину ее, и таинства, и священство ее признают действительными». И стародубские, и московские старообрядцы, хотя и не получили полного удовлетворения всех выдвинутых ими условий соединения, в том числе и по вопросу об отмене клятв, как известно, все же соединились с Православной Греко-Российской Церковью.

С учреждением единоверия соборные клятвы продолжали смущать совесть старообрядцев-единоверцев. При безусловном понимании соборных клятв, как возложенных на всех, без исключения, сторонников старого обряда, единоверцам казалось (а в этом их уверяли остальные старообрядцы), что они, хотя и соединились с Греко-Российской Церковью, но, как соблюдающие старые обряды, находятся под соборною клятвою. Вопрос об отмене клятв подвергался обсуждению на Первом и Втором Всероссийских съездах православных старообрядцев (единоверцев) в 1912 и 1917 годах. Первый Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) постановил ходатайствовать о соборных клятвах 1656 и 1667 года в таком виде: «просить Святейший Синод о том, чтобы он благоволил определить следующее... если бы кто из держащих старые чины продолжал думать, будто на него положены и на нем тяготеют за одно только содержание сих чинов проклятия духовных писателей, греческих Патриархов или даже какого-либо Собора, то такую клятву мы снимаем и ни во что вменяем, оставляя и подтверждая ее только на тех, кто ради разности в чинах проклиняют Святую Церковь».

Второй Всероссийский съезд православных старообрядцев (единоверцев) по вопросу о клятвах составил проект определения для рекомендации его Поместному Собору 1917—18 годов в следующем виде: «Клятвенные запреты, изреченные отдельными святителями: Антиохийским Патриархом Макарием, Сербским Митрополитом Гавриилом, Никейским Митрополитом Григорием и Молдавским Митрополитом Гедеоном и Соборами 1656, 1666 и 1667 годов, поскольку запреты касаются самих обрядов, Собор отменяет, с участием Вселенских Патриархов или, по крайней мере, их представителей».

Поскольку вопрос об отмене клятв возбуждался со стороны старообрядцев, то архиереи Православной Российской Церкви не могли не отвечать так или иначе на

это. Мы уже познакомились с суждением по этому вопросу митрополита Московского Платона, с именем которого связано учреждение единоверия в Русской Православной Церкви и который высказался за отмену клятв, но только со старообрядцев, изъявивших согласие быть в единении с Греко-Российской Церковью, сохраняя при этом старые чины и обряды. Эта отмена клятв совершалась, так сказать, в частном порядке, хотя старообрядцы, а потом и единоверцы просили отменить их вообще.

Старообрядцам-единоверцам, как было замечено выше, казалось, что они, хотя и соединились с Греко-Российской Церковью, но продолжают оставаться под клятвою, как сохраняющие старые обряды, совершение которых Собором 1667 года было для всех русских православных христиан безусловно воспрещено. Для успокоения мятущейся совести старообрядцев-единоверцев выдающийся иерарх Русской Православной Церкви митрополит Московский Филарет выступил с разъяснением смысла клятв Московского Собора 1667 года. В своем «Изъяснении» митрополит Филарет на поставленный им вопрос: «На кого же падает проклятие Собора 1667 года?», приведя текст соборного определения, отвечает следующим образом: «Из сего следует, что держащиеся обрядов Стоглавого Собора, если перестают быть противниками Православной Церкви и входят в примирение с нею, по силе самого Определения Собора 1667 года, должны быть разрешены и действительно разрешаются от проклятия Святейшим Синодом и данною от Бога архиерейской властью. А что они остаются при обрядах Стоглавого Собора, сие не должно приводить их в сомнение, потому что на сии обряды Собором 1667 года проклятия не положено, как выше доказано, Святейший же Синод, по снисхождению, благословляет им соблюдать эти обряды».

Вслед за митрополитом Московским Филаретом в таком же духе объясняли клятву Большого Московского Собора 1667 года и многие другие исследователи этого вопроса, а также и Святейший Синод в изданном в 1886 году «Изъяснении о содержащихся в полемических против раскола сочинениях прежнего времени порицания на именуемые старые обряды».

Такова была официальная точка зрения церковной иерархии того времени на смысл и значение клятв Московского Собора 1667 года. По существу этот взгляд не был ложным, однако оставался несколько односторонним и исторически неверным, что, конечно, понимали старообрядцы-единоверцы, почему и продолжали ставить вопрос об отмене клятв на содержание старых обрядов и после этих «Изъяснений». Следует признать, что с учреждением единоверия Греко-Российская Церковь фактически отменила клятвы за содержание старых обрядов, но формально они не были ею сняты и продолжают оставаться таковыми и по сей день. Таким образом, объясняя старообрядцам-единоверцам, что они, как находящиеся в общении с Церковью, фактически под клятвою Собора 1667 года не состоят, митрополит Филарет был прав, потому что Церкви принадлежит право вязать и решить.

Отдавая должное этим «Изъяснениям» митрополита Филарета и Святейшего Синода, истины ради исторической следует сказать, что, хотя Московский Собор 1667 года обрядов Стоглавого Собора «не одобрил, но и не проклял», как это справедливо утверждает митрополит Филарет, никоим образом нельзя согласиться, что «содержащие сии обряды за одно сие проклятию Собора 1667 года не подлежат». «За одно сие», то есть, за содержание обрядов Стоглавого Собора, у Собора 1667 года как будто не было оснований возлагать клятву и отлучать от Церкви, если бы только «сие» не представлялось Собору, с одной стороны «еретичеством», с другой — непокорностью. «По буквальному смыслу Соборного определения 13 мая 1667 года употребление дониконовского обряда воспрещено на будущее время безусловно. Отлучение от Церкви и клятва Собора, не касаясь лиц, употреблявших эти обряды до соборного о них решения, изречены были на всякого, кто после сего решения отказывался принять новоисправленный церковный обряд.

Если бы Собор действительно в каких-либо случаях допускал возможность удерживать старый обряд без подпадения за это соборной клятве, то он, конечно, прямо бы указал и оговорил эти случаи и обязан был это сделать. Понимать же и толковать приведенное выше постановление Собора иначе «значило бы навязывать ему такие намерения, в каких он вовсе не имел, и во всяком случае не выразил в своих определениях».

Приведенные комментарии относительно смысла клятв Собора 1667 года восполняют лишь в историческом аспекте «Изъяснения» митрополита Филарета и Святейшего Синода, но не противоречат им. При постановке вопроса об отмене клятв эти взгляды, а они, кстати сказать, не единственные, дают возможность глубже и исторически более верно подойти к решению данной проблемы. Ввиду того, что старообрядцев-единоверцев не вполне удовлетворяли «Изъяснения» клятв митрополита Филарета и Святейшего Синода, при практическом осуществлении их были бы только полумерой, а не решением вопроса, которое могло удовлетворить старообрядцев-единоверцев, не говоря уже об остальных. Это понимали и многие представители Русской Православной Церкви, а потому высказывались не за дополнительные и повторные разъяснения от лица Поместного Собора соборных клятв на ком они лежат или не лежат, а за полную отмену и уничтожение их высшим органом церковной власти, равносильным Собору 1667 года.

Вопрос об отмене клятв обсуждался и в VI Отделе Предсоборного Присутствия.

Синодальный миссионер прот. К. Крючков и самарский епархиальный миссионер священник Д. Александров (впоследствии митрополит Саратовский Серафим) в своем докладе VI Отделу Предсоборного Присутствия «Об отмене клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года на крестящихся двуперстно», в частности, говорили: «... для успокоения старообрядцев и православных, но молящихся двоеперстно, необходимо уже не одно разъяснение клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года, как это требуется относительно клятв Собора 1667 года, а совершенная отмена этих клятв, к успокоению чад Церкви, бывали в древней Церкви».

Вместе с этим необходимо высказаться Собору Русской Церкви и по вопросу о порицании на так называемые старые обряды в полемических книгах прежних писателей против раскола. И здесь необходимо не разъяснение, а полная отмена этих порицаний».

Заслушав 3 мая 1906 года этот доклад и обменявшись мнениями, VI Отдел Предсоборного Присутствия вынес постановление, в котором говорилось:

«1) Имея в виду пользу Святой Церкви, успокоение двуперстно молящихся и облегчение встречаемых миссионерами затруднений в разъяснении произнесенной Антиохийским Патриархом Макарием и Собором русских иерархов в 1656 году клятвы на двуперстно молящихся, — ходатайствовать перед Всероссийским Собором об отменении означенной клятвы, как положенной по «недоброму разумению» (Шестого Вселенского Собора правило 12)...»

2) Ходатайствовать перед Собором и о том, чтобы от лица Всероссийской Церкви было провозглашено, что порицательные на «старые» обряды выражения, полемическими писателями прежнего времени допущенные, явились как следствие духа времени, страстной борьбы противников, возмутительных нападков на обряд, Православной Церковью содержимый, излишней ревности православных полемистов и, наконец, тоже неправильного разумения смысла и значения обрядов, отмененных Собором.

В настоящее время, при более ясном понимании значений обрядовых различий вообще, Церковь ничего зазорного и еретического в этих обрядах не видит, ничего порицательного в отношении их не принимает и не разделяет, научая тому и чад своих. Прежние же порицательные выражения совершенно отменяет и вменяет яко не бывшие».

А несколько ранее, 17 апреля 1906 года, VI Предсоборного Присутствия, обсуждая вопрос о старообрядческом беглопоповском толке, высказал свое мнение и о клятвах Собора 1667 года. «По заявлению главных представителей беглопоповщинского толка, они готовы присоединиться к Православной Церкви под условием снятия клятв, произнесенных Собором 1667 года на приверженцев старых обрядов и дарования им единоверческого епископа. Посему VI Отдел постановил: вновь повторить свое ходатайство перед Собором о необходимости снятия клятв Собора 1667 года».

Вслед за Предсоборным Присутствием о необходимости отмены, правда только клятв Патриарха Макария и Собора 1656 года, высказался и IV Миссионерский съезд в Киеве в 1908 году, который постановил «клятву Патриарха Макария, как его личное мнение, клятву Собора 1656 года признать вызванными духом и обстоятельствами времени и Собором 1667 года не подтвержденными, а потому и излишними и подлежащими отмене».

Из вышеизложенного мы видим, что Поместный Собор 1917—18 годов должен был вынести определенное постановление о клятвах Патриарха Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 годов. Соответствующий Отдел Поместного Собора составил «проект соборного постановления об отмене клятв, и только отвлечение Собора в сторону внешне-организационных вопросов помешало ему превратить этот проект в окончательное соборное постановление».

В 1929 году вопрос о снятии клятв обсуждался на заседании Патриаршего Священного Синода под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Нижегородского Сергия (впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси). Вскоре же было принято и Синодальное определение, в котором говорилось, в частности, следующее:

«1. Отзыв о дорогах для старообрядцев богослужебных книгах и обрядах, данный от лица Святой Российской Церкви в книге «Увещание», в «Изъяснении» Святейшего Синода и в определении архипастырей Синода, бывшего в богоспасаемом граде Казани в лето от Рождества Христова 1885, — разделяем и подтверждаем.

2. В частности, богослужебные книги, напечатанные при первых пяти Российских Патриархах, признаем православными; свято хранимые многими православными, единоверцами и старообрядцами церковные обряды, по их внутреннему знаменованию и в общении со Святой Церковью, — спасительными. Двоперстие, слагаемое во образ Пресвятой Троицы и двух естеств в Господе нашем Иисусе Христе, — обрядом в Церкви прежнего времени несомненно употреблявшимся...

3. Поричательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов, и в особенности до двуперстия, где бы оные ни встречались и кем бы ни изрекались, — отвергаем и яко не бывшие вменяем.

4. Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским Патриархом Макарием и вслед за ним подтвержденные Сербским Митрополитом Гавриилом, Никейским Митрополитом Григорием и Молдавским Гедеоном в феврале 1656 года, пастырями Российской Церкви на Соборе 23 апреля 1656 года, а равно и клятвенные определения Собора 1666—1667 годов, как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу нашей Святой Церкви, — мы, руководствуясь примером самого же Собора 1666—1667 годов, отменившего клятвенные постановления Собора Стоглавого, по данной нам от Всесвятого и Животворящего Духа власти вязать и решить, разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем».

Это постановление об отмене клятв на старообрядцев Патриаршего Священного Синода и епископата Русской Православной Церкви, которую возглавлял в то время глубоко просвещенный и мудрый иерарх, впоследствии Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Н 1944), явилось таким образом окончательным завершением исторического развития вопроса об отмене клятв Патриарха

Антиохийского Макария и Московских Соборов 1656 и 1667 годов на сегодняшний день.

Из представленного краткого исторического обзора развития вопроса об отмене клятв на старообрядцев мы видим, что вопрос этот постепенно клонился в сторону положительного его решения Священноначалием Русской Православной Церкви, но к настоящему времени не решен до конца. Это может сделать только обладающий всей полнотой канонической власти Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный Собору 1667 года, каковым мы с полным основанием можем признать настоящий Освященный Собор, который, по данной от Бога власти вязать и решить, и должен завершить эту насущную проблему для всех православных верующих нашей страны.

Перед лицом исторических фактов нельзя не признать, что проводившаяся императорская политика преследований и ограничений в отношении старообрядцев налагала свою довлеющую руку и на церковные взаимоотношения с ними. Теперь же, когда между Старообрядческой и Русской Православными Церквями установились и развиваются добрые взаимоотношения в духе христианской любви и мира, необходимо по-новому, исключительно по-церковному, исходя из правильного понимания различий между догматом и обрядом, в соответствии с предназначением Предсоборного Присутствия и Отдела VI Поместного Собора 1917—1918 годов, а также с решением Патриаршего Священного Синода и епископата Русской Православной Церкви от 23 (10) апреля 1929 года, с учетом современных обстоятельств, взглянуть на этот давно наболевший церковный вопрос и сделать все возможное для разрешения его.

Итак, Поместному Собору Русской Православной Церкви необходимо рассмотреть и окончательно в положительном смысле разрешит «ради мира и пользы Церкви», как выразились отцы Карфагенского Собора (правило 79), вопрос о снятии клятв со старообрядцев. И пусть отмена этих клятв, исторически ставших средостением вражды и разделения православных русских людей, послужит в дальнейшем более тесному соединению и общению старообрядцев и новообрядцев в духе любви Христовой.

Деяние Освященного Собора Русской Православной Церкви об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Собравшийся в Троице-Сергиевой Лавре в Загорске Поместный Собор Русской Православной Церкви счел благовременным подвергнуть соборному рассмотрению решения Поместных Соборов Русской Православной Церкви: Московского 1656 года и Большого Московского 1667 года в части, касающейся наложения ими клятв на старые русские обряды и на употребляющих их.

Как известно, в период первосвятительского служения Святейшего Патриарха Московского Никона (1652—1666) Высшей Церковной властью Московского Патриархата были предприняты усилия по установлению единообразия употребляемых в Русской Православной Церкви богослужебных чинов и обрядов с таковыми же, употребляемыми в греческих Православных Церквях. Это исправление хотя и было предпринято в соответствии с мнением на сей счет большинства архиереев и пастырей Русской Православной Церкви и при поддержке его Предстоятелями и архиереями четырех Восточных Патриархатов, однако встретило серьезную оппозицию в русских церковных кругах.

Создавшееся в Русской Православной Церкви положение было предметом озабоченности Московского Собора 1656 года, который наложил клятву на употребляющих двухперстное крестное знамение, и Большого Московского Собора 1667 года, наложившего клятву на всех не приемлющих церковные исправления Патриарха Никона, и на расколуучителей, активно выступающих против единства

Церкви. На основании определений этих Соборов упорствующие последователи старых обрядов были отсечены от Церкви и образовался раскол, называемый старообрядческим, который вот уже более трехсот лет продолжает составлять предмет глубокой скорби и озабоченности Русской Православной Церкви.

Необоснованность суждений Соборов 1656 и 1667 годов о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл, давала повод усматривать в клятвенных запретах и определениях этих Соборов осуждение старых обрядов самих по себе. Между тем из неоднократных разъяснений, сделанных авторитетными иерархами Русской Православной Церкви и ее Святейшим Синодом, вполне очевидно, что подлинная цель соборных прещений Соборов 1656, 1666 и 1667 годов заключалась в противодействии тем вождям раскола, которые, осуждая исправленные при Патриархе Никоне книги, чины и обряды, проявили свое противление Церкви, порицая содержимые ею обряды и употребляя исключительно обряды старые (см. «Изъяснение» Святейшего Синода от 1886 года).

Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, предпринимавшие возможные действия для устранения препятствий к умиротворению раскола, понимали, что средостение, возникшее в связи с клятвенными определениями Соборов 1656 и 1667 годов, должно быть устранено.

В известном «Увещании Православной Кафолической Церкви», увидевшем свет 1765 году, говорилось о признании православности старых обрядов и спасительности употребления их.

VI Отдел Предсоборного Присутствия 1906 года вынес постановление — ходатайствовать перед будущим Поместным Собором Русской Православной Церкви об отмене этих клятв.

Об этом же говорило постановление Отдела по единоверию и старообрядчеству Поместного Собора 1917/18 годов. В целях умиротворения церковных разделений из-за старых обрядов и наибольшего успокоения совести в ограде Русской Православной Церкви Патриарший Священный Синод под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Нижегородского Сергия 23 (10) апреля 1929 года подтвердил православие богослужебных книг, напечатанных при первых пяти Российских Патриархах. Старые русские обряды были засвидетельствованы как спасительные. Порицательные выражения о старых обрядах были отвергнуты. Клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 годов отменены, яко не бывшие.

Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 года и Большому Московскому Собору 1667 года, рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1919 года о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды и равночестными им.

2. Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1919 года об отвержении и вменении яко не бывших, порицательных выражений относящихся к старым обрядам и, в особенности, к двуперстию, где бы они не встречались и кем бы они не изрекались.